

РОМАН З. ПРИЛЕПИНА «ОБИТЕЛЬ»: МЕТАФИЗИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО СОЛОВКОВ

В статье представлен анализ метафизического пространства в романе З. Прилепина «Обитель». Мифологизация и метафоризация представляет для автора более значительный интерес, чем изображение конкретных пространственных реалий. Рассматриваются три параметра метафизического пространства: зрительная метафизика (метафоризация природных объектов, гротескное изображение персонажей), пространство культуры (поэзия Серебряного века, символические образы слов и букв) и религии (противопоставление «советское – православное» и «советское – соловецкое»).

Метафизическое пространство, реальное пространство, мифологизация, метафоризация, символическая оппозиция.

The paper represents the analysis of metaphysical space in the novel «Monastery» by Z. Prilepin. The writer uses mythologization and metaphorization, it's more important for him than description of specific spatial realia. There are three main aspects of metaphysical space in the novel. First of all, the aspect of visual metaphysics shows metaphorization of the natural objects and grotesque images of the characters. The second aspect is the space of culture: the poetry of the Silver Age in the novel, symbolic images of words and letters. And the last one is religion which is characterized by the oppositions «soviet – orthodox» and «soviet – Solovetsky».

Metaphysical space, real space, mythologization, metaphorization, symbolic opposition.

Введение

В 2014 г. вышел роман З. Прилепина «Обитель», получивший премию «Большая книга». Высокая оценка романа читателями и критикой сопровождалась неоднозначными характеристиками – от «авантюрного» до «христианского» произведения. Такое же разнообразие мнений вызвала и жанровая форма произведения: приключенческий роман, роман-антиутопия, исторический роман, наконец, полифонический роман. Большой по объему роман сравнивали с толстовской эпопеей, находя в нем также требующие временем триллерность и сериальность.

Место и время действия в произведении – Соловецкий лагерь конца 1920-х гг., входящий в группу Северных лагерей особого назначения (СЛОН), что позволяет отнести «Обитель» к жанру «лагерной прозы», активно развивавшейся в русской литературе в 1960-е и во второй половине 1980-х гг.

Основная часть

Историческое время романа задано точно – 1929 год. Образ пространства более неоднозначен. С одной стороны, указаны конкретные топонимы – Соловки, Секирная гора и т.д., с другой, как уже было отмечено критикой, в тексте совершенно не показан географический русский север, нет пейзажных описаний и подробностей монастырских/лагерных построек изнутри и снаружи. Таким образом, реальное пространство в романе практически не представлено, несмотря на динамичное перемещение героев в нем. И все же образ пространства в романе задан, и в задачу автора не входило близкое к реальному описание северных островов, ставших лагерем монастыря. Прилепин поместил своих героев в пространство метафизическое, обозначив его словами своего персонажа Василия Петровича – «странное место». Андрей Рудалев видит в изображенных Прилепиным Соловках некий пространственный оксюморон, со-

единение несоединимого: «Ноев ковчег наоборот в ситуации близкой к вселенскому потоку только в пределах одной страны и на котором никто не дает гарантии спасения. Можно идти покупать леденцы в «Розмаге» и услышать выстрел, ведь рядом тюрьма, в которой расстреливают. Здесь есть многое: и фермы животных, метеостанция, театр, свой журнал, действующий храм. Брань ведется с прошлым, выкорчевывается не только монашеское кладбище, но и идет перековка всего мира и человека. Подразумевается, что этот дивный мир будет лишен пороков прошлого, избавлен от его греха. Прошлое должно быть покрыто бушующими водами нового потопа» [6].

Мифологизированность пространства «Обители» отмечают и Д. Бутрин, и В. Бондаренко: «Соловецкая мистерия – это богатейший русский миф, в котором есть свои Гераклы и Перуны, свои Меркурии, свои черти и бесы. Роман безбрежен, как безбрежна и сама Россия. Он старается прочувствовать весь мир в полноте. Ничего не теряя» [1]. С. Лихачев анализирует пространство романа с точки зрения его двоемирия и приходит к выводу, что это произведение содержит два пространства – реальное и метафизическое, которые сложно разделить, ибо они расположены в одном месте, с использованием одних и тех же топонимов и географических реалий: «Как и положено романам с двоемирием, в «Обители» пространство реального мира перерастает рамки обычного, превращаясь в пространство бытия. Прилепин детально изображает работу и быт персонажей, не лишает последних «домашнего пространства», связей с «домашними» вещами, с их видом и месторасположением. Одновременно с этим существенные детали быта, та же еда и одежда, получают символическую окраску. Особенно это касается еды: герои голодные всегда и везде, готовы съесть или выпить все. Это выводит пространство на новый уровень его

осмысления, связывает со всеобщими законами жизни» [2]. Говоря о принципах разграничения пространства реального и метафизического, критик отмечает, что «реальным аспектом границы, разделяющей пространства, становится не территориальный, а нравственно-этический фактор и в разделении пространств, наряду с принятой в каждом пространстве маркировкой, активное участие принимают мотив зрения, сфера культуры и религии» [2]. Три указанных С. Лихачевым аспекта чрезвычайно важны в понимании пространственной метафизики «Обители», обратим внимание на них.

1. Зрение

Развернутых пейзажных описаний в романе действительно нет, но они и не нужны в произведении, где на первом месте – действия главного героя в черед его мытарств. Выпавшие на долю Артема испытания обостряют все его чувства, в том числе и зрение. Взгляд его часто обращен вверх, и в поле зрения попадают природные объекты, метафоризация которых происходит с использованием пищевого, одоративного (через запах) или тактильного кода. Так, на островах дует пересоленный ветер [5, с. 231], звезды над Соловками Артему «отдавали селедкой» [5, с. 231], были колючими [5, с. 339] или мелкопокрошенными [5, с. 74], а отраженные в воде, напоминали клыки [5, с. 303]. Впрочем, слово «звезда» употребляется в романе не только в значении ночного небесного светила. В ситуации драки, когда Артему «завзвездили», перед глазами у него появляются «звезды», о которых главный герой думает как о чем-то съедобном: «вот плавают звезды перед глазами <...>, а если их выловить и сварить» [5, с. 48]. Образ этот многозначный, в тексте появляется и пятиконечная звезда как символ новой страны (об этом аспекте ниже), и звезда как удача, оправдание везучести Артема, в начале романа Афанасьев говорит ему: «Вам везет, Артем. Хорошая звезда над вашей купелью светила» [5, с. 58].

Самый яркий в плане метафоризации – образ солнца. Этот природный объект часто оказывается в поле зрения главного героя в разные ситуации его испытаний на Соловках. Солнце как символ вечного бытия включено в систему философских бесед о бытии соловейком. Оно также становится для Артема весьма значимым символом продолжающейся жизни, он стремится «оказаться на солнце, понюхать солнечный свет» [5, с. 279], насытиться им, «заманить к себе, на себя, внутрь себя хоть один луч» [5, с. 277] (поместить внутрь себя – то есть съесть).

Метафизичность и мифологичность пространства Соловков создается и за счет портретирования второстепенных персонажей с точки зрения главного героя. Именно глазами Артема мы видим гротескные образы чекистов и красноармейцев, представленные в «зоосравнении»: «Чекисты орали, как большие, мордастые и пьяные чайки» [5, с. 137], «Красноармейцы: со своими собачьими лицами и вдавленными глазами. Как их было отличить? Проще одну чайку отличить от другой» [5, с. 207]. По словам С. Лихачева, «чекистам и красноармейцам автор придает настолько звериные черты, что эта группа персонажей оказывается представленной в каком-то погра-

ничном состоянии: одной ногой герои стоят в реале, другой – в воображаемом аду» [3]. Таким образом, через зрительное восприятие главного героя автор хочет показать фантазмагоричный, «другой» мир не столько конкретных Соловков, сколько возможный мир существования человека в нечеловеческом пространстве, населенном персонажами, перестающими быть людьми.

2. Сфера культуры

В художественном мире «Обители» одной из значимых становится «культурная» составляющая представленной жизни лагеря. И дело не только в стремлении Эйхманиса организовать на Соловках театр или изучать оставшиеся от монастыря иконы, привлекая к этим занятиям сидельцев-интеллигентов. Сам автор в интервью о своем романе называет «Обитель» последним аккордом Серебряного века, внося его дух и в образы персонажей, и в ситуации, и в диалоги, и в думы героев. Главный герой романа Артем любит и знает поэзию Серебряного века, впрочем, для него значима любая поэтическая строчка, в том числе и фольклорная. Серебряный век проступает сквозь прозаический текст ключевыми словами из поэзии Блока, Северянина, Ахматовой и прочих символистов и футуристов, звучащими из уст персонажей: «Ах, красота, – по-доброму ерничая, нахваливал Борис Лукьянович. – Это просто *соловьиный сад*. Артем, вы могли бы стать великолепным агитатором. *Громокипящим!*» [5, с. 116], Василий Петрович говорил Артему в начале романа: «Начитались всякой дряни <...> *Дыр бул щыл* в штанах, *навыи чары* на уме» [5, с. 11].

Еще одна из возможностей конструирования «второго мира» в романе – акцент на таких образах, как *слово* и *буква*, написанных и произнесенных (примечательно, что и сравнительный союз «словно» используется автором чрезвычайно часто, бывает несколько раз на страницу, – гораздо чаще, чем использование синонимичных «как» и «будто»).

Образ слова становится метафоризатором природных объектов («Под утро прошел дождь, неопытный и многословный» – [5, с. 235]); с его помощью представляются эмоции (положительные: «Люблю? – еще раз повторил он, беззвучно произнеся это слово, чтоб почувствовать его на губах» [5, с. 329] и отрицательные: когда Артем рассказывает Гале о своем преступлении, то «слова его сухие и растрескавшиеся» – [5, с. 252]). В экстремальных условиях слово становится мерилем человеческой жизни: в сцене на Секирке безымянный персонаж «больше ничего не говорил, словно берег каждое свое слово, зная, что до смерти их осталось наперечет» [5, с. 274]. Духовное насыщение словом уподобляется пище при постоянном голоде физическом: «Василий Петрович согласен с владычкой во всем, но только никак не может насытиться его словами и желает слушать все новые и новые доводы о милости, благе, неизбежном спасении» [5, с. 294]. Образ слова в романе становится той скрепой, что соединяет мир реальный и метафизический.

Если слова могут принадлежать главному герою, то буквы всегда из внешнего по отношению к нему мира. Они не похожи сами на себя: «Граков, нано-

сящий в свой блокнот каракули, явственно напоминающие хохломскую роспись, но никак не буквы» [5, с. 116]. Как и слово, буквы в романе не только написанные – они имеют звуковое воплощение, причем звучит в тексте одна и та же буква – С. Обозначает ли она Слово, которое было в начале, или Соловки, которые для многих персонажей стали концом, – на этот вопрос может ответить лишь автор. Но звук С, произнесенный по-разному, в разных обстоятельствах и разными персонажами, обращает на себя внимание. Вот поэт Афанасьев пытается найти закономерность в употреблении слов на эту букву в произведениях Достоевского и заканчивает подобранный ряд неожиданно Соловками: «Ты замечал, Тема, что у Достоевского – все самоубийцы на букву с... с? Свидригайлов, Смердяков, Ставрогин? Я эту букву что-то выговаривать разучился. Сэ – как луна. Посреди фамилии Дос... стоевского торчала она и затягивалась на шее у него. Свистела на ухо... сатанинская свара... сладострастная стерва... и соленые сквозняки... серп рассек сердце... и смерть... и с... Секирка. Ты понял?» [5, с. 290]. Добавление С – как добавление Соловков – еще три года срока добавили Артему после возвращения из неудавшегося побега с Галиной.

3. Религия

Роман о Соловках не мог не коснуться религиозной сферы. Прилепин пытается найти точки соприкосновения религиозного и советского в новой жизни, его главный герой помещен в пространство советского перелома, с одной стороны, и исторически религиозного места – с другой. Уже первые страницы романа задают этот поиск в сцене, когда Василий Петрович спрашивает Артема, сколькоконечная звезда на храме, а когда тот пытается всмотреться, смеется, ибо не надо видеть советскую звезду, чтобы знать о ее пятиконечности. Советская пятиконечная звезда на храме – еще одно соединение несоединимого в мифологизированном пространстве романа. На всем его протяжении в большей или меньшей степени ведутся две линии: с одной стороны – противопоставление «советское – православное», с другой – «советское – соловецкое».

Первая линия раскрывает тему веры, в ее раскрытии «решающая роль принадлежит образам Артема и владычки Иоанна. Развитие их взаимоотношений отражает колебания главного героя в отношении веры» [7, с. 300].

Анализируя представленные символические оппозиции концептов духовного содержания (рай – ад, святость – святотатство, свобода – рабство и др.), И.М. Попова замечает соединение двух видов пространств в одной географической точке: «В роман введено также четкое противопоставление: «святая обитель» – «преисподняя». Образ обители как ада дается в восприятии Артема: монастырь предстает как языческое «каменное чудовище», угловатое, «неопрятное, разоренное», «выгоревшее», «тяжелое». Герою кажется, что «построена обитель не слабыми людьми, а разом, всем своим каменным туловом упала с небес и уловила всех, оказавшихся здесь, в западню» [5, с. 10]. Артем страшился смотреть на монастырь, видя в нем только «кромешную» тюрьму,

«мрак». Монастырь кажется ему иногда «грязной плитой с гигантскими черными кастрюлями, крышки у которых – купола церквей, в которых варится “человечина”» [4, с. 146].

Вторая линия – противопоставление советского и соловецкого – также выводит на некое мифологическое осмысление замкнутого пространства, из которого чекисты стараются выкорчевать православие (ср. сцену разрушения монастырского кладбища), но пространство советское так и не образуется. Фраза «У нас власть не советская, а соловецкая» звучит в романе не раз, валютой лагеря становится «соловецкий рубль», применяется речевое клише «честное соловецкое».

Итак, метафизическое пространство в романе превалирует над реальным, его можно реконструировать при анализе таких составляющих художественного мира писателя, как зрительный аспект и обращение к сферам культуры и религии.

Выводы

Двоемирие романа и преобладание метафизического пространства обусловлено желанием понять и продемонстрировать «экзистенцию Соловков». Точками переключения реального пространства на нереальное служат зрительное восприятие главного героя, видящего фантасмагоричность происходящего и метафоризирующего действительность, а также обращение к сферам культуры и религии. 3. Прилепин показал мыслящего героя, стремящегося понять не только события в пределах замкнутого пространства Соловецкого лагеря, но и общие закономерности человеческого бытия. Писатель продолжает традицию, обозначенную уже в его раннем творчестве, – расширять конфликт определенного места и ограниченного круга героев до размеров космического масштаба.

Литература

1. Бондаренко В. Власть Соловецкая. О романе 3. Прилепина «Обитель». URL: <http://zavtra.ru/content/view/vlastsolovetskaya/> (дата обращения 16.01.2016)
2. Лихачев С. Роман Прилепина «Обитель»: Пространство. Пейзаж. URL: <https://www.proza.ru/2015/11/07/1751> (дата обращения 28.12.15)
3. Лихачев С. Роман Прилепина «Обитель»: Портрет. URL: <http://www.proza.ru/2016/01/05/1051> (дата обращения 20.12.15)
4. Попова И.М. Амплитуда исторического пути России сквозь призму трансформированных концептов «Правда Господня» и «Своя правда» по роману Захара Прилепина «Обитель» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2015. № 12 (54): в 4 ч. Ч. II. С. 144–150.
5. Прилепин 3. Обитель. М., 2014.
6. Рудалев А. «Обитель» великого перелома // Литература. №65. URL: <http://literatura.org/criticism/470-andrey-rudalev-obitel-velikogo-pereloma.html> (дата обращения 06.01.2016)
7. Сухих О.С. Роман 3. Прилепина «Обитель»: поэтика художественного эксперимента // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2015. № 1. С. 297–304.

References

1. Bondarenko V. *Vlast' Soloveckaya. O romane Z. Prilepina «Obitel'»* [Power of the Soviets. About the novel by Z. Prilepin "Monastery"]. URL: <http://zavtra.ru/content/view/vlastsolovetskaya/> (data obrashcheniya 16.01.2016)
2. Lihachev S. *Roman Prilepina «Obitel'»: Prostranstvo. Peizazh*. URL: <https://www.proza.ru/2015/11/07/1751> (data obrashcheniya 28.12.15)
3. Lihachev S. *Roman Prilepina «Obitel'»: Portret*. [Novel by Prilepin "Monastery": Portrait]. URL: <http://www.proza.ru/2016/01/05/1051> (data obrashcheniya 20.12.15)
4. Popova I.M. Amplituda istoricheskogo puti Rossii skvoz' prizmu transformirovannykh konceptov «Pravda Gospodnya» i «Svoya pravda» po romanu Zahara Prilepina «Obitel'» [The amplitude of the Russian historical path through the prism of the transformed concepts "The truth of the Lord" and "own truth" based on the novel by Zakhar Prilepin "Monastery"]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Questions of theory and practice]. Tambov, 2015, №12(54), Vol. II, pp. 144–150.
5. Prilepin Z. *Obitel'* [Abode]. Moscow, 2014.
6. Rudalev A. «Obitel'» velikogo pereloma ["Monastery "Great Change"]. *Literratura*. [Literature], №65. URL: <http://litteratura.org/criticism/470-andrey-rudalev-obitel-velikogo-pereloma.html> (data obrashcheniya 06.01.2016)
7. Suhii O.S. Roman Z. Prilepina «Obitel'»: poetika hudozhestvennogo eksperimenta [Novel by Prilepin "Monastery": poetics of artistic experiment]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo*. [Herald of the Nizhny Novgorod NI Lobachevsky University], 2015, № 1, pp. 297–304.